

83.312 = 411. 276 КР

Ш 48

П.И. Шенчугов

АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ТВОРЧЕСТВОМ

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Колич. пред. выдач. _____

22.02.52

Зах. 452

83.3(2=411.2)614

Ш48

Павел Шепчугов

**АЛЕКСАНДР
ФАДЕЕВ**

**Между властью
и творчеством**

155850

Москва
«Вече»

Городская
библиотека-музей

ОН

МБУК «ЦБС»
НГО

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6

Ш48

Павел Шепчугов

Шепчугов, П.И.

Ш48

АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ. Между властью и творчеством / Павел Шепчугов. — М. : Вече, 2017. — 320 с. : ил. (Моя Сибирь).

ISBN 978-5-4444-6014-6

Знак информационной продукции 12+

В чем причина столь стремительного взлета судьбы Александра Фадеева? Почему молодому 30-летнему Фадееву доверили создать и совместно с Максимом Горьким возглавить важнейшую творческую и идеологическую организацию СССР — Союз писателей? В чем причина многолетнего, практически безграничного доверия Фадееву со стороны И.В. Сталина? И отчего столь завидная на фоне писательского мартиролога 1930-х годов судьба завершилась самоубийством?

Книга известного писателя, дальневосточного историка, краеведа П.И. Шепчугова дает ответы на эти и многие другие вопросы. Показывая читателю широкую картину «эпохи Фадеева» книга раскрывает связь судьбы героя с Сергеем Лазо, Розалией Землячкой, Микояном, Сталиным.

Отношения, споры, совместная работа с Горьким, Маяковским, Шолоховым, князем, «вставшим на платформу социализма» Святополк-Мирским, мировой резонанс зарубежных изданий «Разгрома», дальневосточный период Фадеева представлены в книге с максимальной полнотой.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4444-6014-6

© Шепчугов П.И., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

MSU Publishing House

ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ АЛЕКСАНДРА ФАДЕЕВА

Предисловие и беседа с автором

11 декабря 1901 года в историческом селе Кимры (ныне город Тверской области) родился Александр Фадеев, писатель, советский классик, сооснователь и глава Союза писателей СССР. Большой талант, трудная судьба и «крепкая как смерть» связь со своим временем, вне которого попытки суждений, осуждений Фадеева — наив или цинизм.

Интерес к биографии Фадеева давно стал специфическим, разгадывают причины: а) его невероятного карьерного взлета; б) столь же фантастически долгого доверия к нему одного очень влиятельного и недоверчивого человека.

«Почему Бабель, Пильняк, Кольцов, Смеляков — ... а этот Фадеев —...?»

Тем, кто смотрит на Фадеева сугубо опосредованно, сквозь тот великий мартиролог, я предложу еще одну тему из неожиданной, может, сферы. Надеюсь, она поможет ответить и на первые две: карьера и неуязвимость.

Назову её: «Шолохов, Фадеев и Относительность времени».

Вспомним главный аргумент против шолоховского авторства «Тихого Дона»: не мог *это* написать молодой парень! Первый том романа-нобелианта сдан в печать 23-летним Мишей Шолоховым. Так не бывает. В зрелые годы он автор куда более слабых вещей: «Поднятая целина», «Судьба человека»...

Тут и важен аналог. Почему-то ни разу не сопоставляли: в те же 23 года Фадеев выпустил свой лучший роман, давший

ему всероссийскую известность, «Разгром». А 21-летним — «Разлив», как бы аналог шолоховских «Донских рассказов». А «Молодая гвардия» зрелых лет — та же «Судьба человека». Конечно, «Тихий Дон» гораздо более сильная вещь, но поразительно совпадают графики судеб: 21 — проба, 23 — «взлет», за 35 — ... выразимся деликатно: «аккуратное планирование».

Дело в «относительности времени», открытой как раз в те же годы Эйнштейном. Шолохов, Фадеев — пример относительности социального, биографического, биологического времени, скорости созревания. Продолжу «мысленный эксперимент»: если вообразить, что шолоховских вещей не было, а политическая нужда, наоборот, была бы, — под удар мог попасть и фадеевский «Разгром», очень сильный, цельный по настроению, композиции роман (о его английском издании еще упомяну). Действительно, взять сегодняшнего 23-летнего литератора, самого даже даровитого... просто невозможно представить его автором «Разгрома».

Простите, я и завершу «временной» пассаж цитатой из старшего ровесника Фадеева, Шолохова, яростного, фанатичного поклонника «Братьев Карамазовых», то есть опять: Эйнштейна. В своем прошлогоднем, к 110-летию Теории относительности эссе *«Если Бога нет, то всё... относительно»* (НГ, «Нева») я цитировал, как Альберт Германович объяснял «на пальцах» суть своего открытия: «Прежде думали, что если убрать из мира все предметы, то пространство и время все-таки останутся. Я же показал, что в этом случае не будет ни пространства, ни времени».

То есть Время — относительно, оно сжимается, исчезает вместе с предметами. И время Фадеева, Шолохова было искривлено Революцией, Гражданской войной! Их юношеский опыт не сравним с опытом последующих поколений, оглядываясь на которые и твердили: «Не может быть».

Даже занятно бы просканировать все произведения нынешних 23-летних, но... отсутствует сама база: на известных «совещаниях молодых писателей» — возраста более почтенные. Ровесник авторов «Разгрома», «Тихого Дона» сегодня просто «неадресуемая величина», не улавливаемая литературоведами.

Но кроме связи с Временем была связь и с Пространством: шести лет кимряк Фадеев стал дальневосточником, семья переехала в Приморский край, таежное село Чугуевка стало второй родиной, местом «лучших дней детства и юности». С Дальнего Востока сегодня идет интерес к Фадееву, желание сделать его 115-летие событием, поводом вспомнить, поискать ключи к феномену Фадеева. Писатель, историк-краевед Павел Иванович Шепчугов подготовил книгу: сибирский, дальневосточный взгляд на судьбу Фадеева.

С Павлом Шепчуговым меня познакомил покойный Валентин Григорьевич Распутин: «Есть в Находке подвижник, собрал самую большую на Дальнем Востоке частную библиотеку. Работал в Забайкалье на руднике, директором поднимал *лежащий* колхоз. Сейчас адвокат в Находке, все деньги вкладывает в книги». Познакомившись с Павлом Ивановичем, убедился: его 200 000 книг — не мертвый груз, люди берут их, читают.

О собственной книге Шепчугова, его исследовании Забайкальской каторги Чернышевского я опубликовал статью «*Что делать и что за это бывает?*» в «Независимой...», «Литературной...» газетах. Запомнился свежий взгляд, новый набор фактов о жизни зазубренного со школьных лет персонажа, потому и к «фадеевской» подошел с вопросом:

— *А в чем, Павел Иванович, посыл новой книги?*

— Книги о Фадееве советского периода — портрет идеального писателя-коммуниста. Белые пятна биографии я пытался заполнить самой точной, на мой взгляд, информацией. Главный вопрос: как удалось юному провинциалу пробить-

ся к вершинам власти, обрести доверие Сталина? Первый «трамплин»: Дальний Восток. Александр Фадеев, двоюродный брат известных революционеров-дальневосточников братьев Сибирцевых, был знаком с легендарным командармом Сергеем Лазо, командирами партизанских отрядов в Приморском крае.

Второй: известная большевичка Розалия Землячка. Её сотрудник и товарищ, Фадеев получает «выход» на Микояна, затем Сталина. Очень непросты, но крайне интересны отношения Фадеева с Маяковским, Шолоховым, бывшим князем, «вставшим на платформу социализма», Святополк-Мирским.

— *Руководить вместе с Горьким советской литературой, отвечать за это лично перед Сталиным, да... Насколько знаю, Фадеев мемуаров не оставил?*

— Но есть воспоминания людей, его знавших, многие искренни, содержат понимание времени, судьбы Фадеева. Есть его откровенные, содержательные письма. Много упреков в причастности к репрессиям писателей. И этому вопросу в работе уделено внимание. Приводятся воспоминания друзей, недругов писателя о том, как воспринимал это Фадеев, как реагировал Сталин на его запросы.

— *У вас особое внимание именно к Фадееву-дальневосточнику, партизану, подпольщику, его двоюродным братьям Сибирцевым.*

— Да, они сыграли главную роль в становлении Фадеева. Их матери — родные сестры, к этой семье в 1908 году переехали из Кимр во Владивосток Фадеевы. Большевик Всеволод Сибирцев — ведущий деятель Гражданской войны в Приморье. Но «родственные связи» помогли Фадееву, лишь чтобы скорее попасть в «Особый Коммунистический отряд красных партизан», вступить в 16 лет в партию (кличка Булыга надолго стала его второй фамилией), уже в 17 быть тяжело раненным в бою с японскими интервентами...

— ...и скорее получить жизненный материал к книгам «Разлив», «Разгром». От творческих скоростей Фадеева, Шолохова перейдем к «карьере». Это ведь сенсация: молодой парень — организатор Союза писателей СССР.

— Первые шаги карьеры Фадеева на поле боя. Первое «повышение» связано с легендарным Сергеем Лазо. В марте 1920 года он, председатель Военного совета армии, предложил сделать Булыгу комиссаром. Далее: 5 апреля 1920 года бои с японцами под Спасском. Участник Иван Пикуль вспоминает: «Вместе с другими бойцами в цепи отстреливался от наседавших японцев. Когда наши стали отходить, я увидел Фадеева раненого, его несли уставшие бойцы. Помог отнести его в укромное место. Спросил: Саша, ты слышишь меня? — он ничего не ответил». В январе 1920-го Фадеев-Булыга на конференции военных комиссаров в Чите избран делегатом на X съезд РКП(б). Будущий маршал Конев рассказывает, как около месяца они добирались на съезд: «Пользовались одним котелком, но что настоящая фамилия Александра — Фадеев узнал только в конце 1920-х, когда поручили выступить по книге «Разгром». Скорее всего, Фадеев не назвал своей фамилии Коневу по правилам подпольщика, да и привык к новой, новым документам.

X съезд ВКП(б) в марте 1921-го совпал с Кронштадтским восстанием. Добровольцы из делегатов съезда брошены на подавление. Во время штурма Фадеев опять тяжело ранен, прополз два километра по льду Финского залива, пролежал несколько часов без сознания, потерял много крови. Пять месяцев лечения: «Никогда в жизни столько не читал. Врач был добрый, сестра красивой, как и вообще сестры. Нева хороша, Летний сад».

— Наверно, лучшим дополнением к ордену боевого «Красного Знамени» за Кронштадт стали те 5 месяцев чтения. Далее Москва, Горный институт, первая публи-

кация, знакомство с Либединским, Сейфуллиной. Ну а второй рывок «карьеры»?

— Студент Фадеев одновременно работал инструктором Замоскворецкого райкома партии и секретарем парткома на московском заводе. Здесь и знакомится, становится верным другом первого секретаря Замоскворецкого райкома партии Землячки.

— И у самой Розалии Самуиловны Замоскворецкий райком был краткой остановкой между постами начальника политотделов армий в Гражданскую и последующим ростом вплоть до зампреда Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б).

— Фадеев оставляет академию и с товарищем Землячкой уезжает в Ростов-на-Дону на партийную работу. Его письма начинаются с «Дорогая Розалия Самойловна!», содержат подробнейшие отчеты о писательских новостях, просьбу «помочь через ЦК перейти на газетную работу». Другой доброжелательный шеф той поры, секретарь Северо-Кавказского крайкома Анастас Микоян.

Начинал писать «Разгром» Фадеев, работая в редакции «Советского юга», вскоре условия становятся почти идеальными для той поры: творческий отпуск, дача в Нальчике, пособие 100 руб./месяц. Секретарь Землячки М.Д. Соколов рассказывал: «Булыга (Фадеев) по мере написания «Разгрома» передавал их Землячке, она читала, делилась впечатлениями. Ни одна глава не была опубликована без её прочтения... Имя Землячки Фадеев всегда произносил с великим уважением и любовью, как имя родной любимой матери, но говорил о ней мало, бережно, скупно, как о самом дорогом, о чем можно говорить не с каждым».

Главы «Разгрома» в 1925 году вышли в журналах «Октябрь» и «Молодая гвардия».

— Но не только же Землячка, Микоян поднимали писателя-партийца?

— В августе 1927 года на «Разгром» обратил внимание Максим Горький, он писал о нем Сергею-Ценекому. В. Фриче, очень хвалил, рекомендовал прочитать всем знакомым. Далее в судьбу Фадеева вошла личность уникальная. Князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский, сын экс-министра внутренних дел царской России, филолог, поэт, служил у Деникина. В эмиграции доцент Королевского колледжа Лондонского университета, автор книг «Пушкин», «История русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского», «Ленин»... Вступил в ряды компартии Великобритании, вернулся в Россию. Святополк-Мирский: «Чтоб выбраться из этих джунглей навстречу светлым лучам марксизма, потребовалось время и помощь. Особенно полезной оказалась для меня книга «Девятнадцатый».

А «Девятнадцатый» — это и есть «Разгром» в английском переводе Мартина Лоуренса. В СССР Святополк-Мирский то на открытии Беломорканала, то на Магнитке, знакомится с Авербахом и... (это уже его показания на следствии): «По заданию авербаховцев Ясинского и Карабальникова я написал статью о «Последнем из удэге» Фадеева, которая заключала в себе грубо несправедливую оценку». 22 июля 1934 года «Литературная газета» в передовице кается за «публикацию ошибочного утверждения о Фадееве в резком заявлении Святополк-Мирского». Далее настоящая буря, «Правда» 23 июля: «Статья некоего Мирского... выходка человека, которому ничего не стоит выбросить талантливое пролетарского писателя из литературы».

В книге Шепчугова подробно освещена та битва. Горький поддержал Святополк-Мирского, но... НКВД выяснил: Святополк-то Мирский громил новый роман Фадеева по прямому указанию Троцкого, а это, сами понимаете...

Гениальный сюжет! Восхищение «Разгромом» привело князя в СССР, а критика следующего романа того же авто-

ра — на Колыму! Позже следователь НКВД Иванов своими какими-то методами выяснил: князь еще и участник антисоветской организации и шпион. Смерть в лагере спасла филолога-шпиона от расстрела.

Фадеев непоколебимо стоит, когда репрессированы практически все его друзья по дальневосточным партизанским отрядам, когда расстреливают его рапповского друга Авербаха. В письме Землячке (декабрь 1929-го) Фадеев жалуется на одолевавшие болезни, вздыхает:

«В «Октябре» я прозевал идеологически двусмысленный рассказ Платонова «Усомнившийся Макар», за что мне по делом попало от Сталина, рассказ анархистский». Осенью 1931 года Фадеев в Гаграх: сам Горький просил ЦК о его отпуске для завершения «Последнего из удэге»!

Однажды назначенный главой Совинформбюро Фадеев «выпал» на несколько дней, а Сталину понадобились документы из особого сейфа Совинформбюро. Резали автогеном, любому другому это стоило бы если не жизни, то карьеры. Фадеев был «тихо» отстранен от должности, несовместимой с его недугом.

Причина столь завидного в обстоятельствах 1930—1950-х годов незыблемого доверия Сталина — роль Фадеева в главном литературном «переломе» эпохи: разгон РАППа и создание СП СССР. Расставание с Авербахом, набросившимся на «бывшего попутчика Горького», вышло безупречным, на сталинский и на любой другой взгляд. Серия статей «Старое и новое» показала Сталину: Фадеев — лучший помощник (в перспективе преемник) Горького.

Симонов: *«Как ни странно звучит, в Сталине было некоторое сходство с Фадеевым в оценках литературы. Он действительно любил литературу, считал самым важным среди искусств, в конечном итоге определяющим все остальное. Любил читать, говорил о прочитанном с пол-*

ным знанием предмета. Где-то у него была — для меня это несомненно — некая собственная художественная жилка, может быть, шедшая от юношеского занятия поэзией».

Илья Эренбург: «О Фадееве говорят: талантлив, умен, обладает железной волей, что его ценил Сталин. Все это правильно... Все знали его эрудицию, память, умение придать в статье или в докладе короткой фразе Сталина глубину, блеск, спорность литературного эссе и бесспорность закона».

Алкоголь и репрессии...

...темы, объективно связанные в судьбе *«Прекрасного и ужасного»* (определение Ольги Берггольц) Фадеева.

Сергей Михалков: «В самые ответственные моменты Саша мог на несколько дней исчезнуть из поля зрения кремлевского начальства, его искали по всей Москве... мог завалиться к нам на улицу Горького посреди ночи, и жена Наташа укладывала его спать в маленькой комнате при кухне... Повинен ли он в том, что писателей отправляли в ГУЛАГ? Я знал, он верил Сталину. Но что-то тяготило его».

Шепчугов снимает с Фадеева часть ответственности, причем методологически безупречно: большое число литераторов было связано с НКВД. Бабель, Брик, Веселый (Кочуров), Волин (Фрадкин), Жига, Лелевич, Свириин, Тарасов-Родионов...

Факт общеизвестный, не обязательно дискредитирующий этих лиц. Закон того времени. Любому выезду за рубеж предшествовали «беседы в органах». Но почему весь тот легион «вешают» на Фадеева, тогда как правильнее было связать его со сменами волн: Ягода — Ежов — Берия? Пишу это не с целью как-то «замазать» жертвы — только уточнить графу, по которой они проходят.

Помножьте число сотрудников на среднее число друзей-родственников (а именно так сменяли ежовцев бериевцы!) и получится...

Представляя все реалии тех смен... можно ли упрекнуть руководство Союза писателей? Снежинка меж «Титаником» и айсбергом!

Фадеев пытается заступиться за жену Либединского, «ручается головой, партбилетом». Суровый ответ: «Лаврентий Павлович изучил дело Марианны Герасимовой (работавшей в НКВД при Ежове) и удивлен, что вы, как писатель, интересуетесь делом, которое совершенно не входит в круг ваших обязанностей как руководителя Союза писателей и как писателя». Секретарь Берии повесил трубку, не ожидая моего ответа. Мне дали по носу, и крепко».

Константин Симонов: «В 1949 году мы ездили с делегацией в Китай. Поздно вечером в Пекине Фадеев в редкую минуту откровенности заговорил о Кольцове. Фадеев через неделю после ареста Кольцова написал записку Сталину о том, что многие писатели, коммунисты и беспартийные, не могут поверить в виновность Кольцова, и сам он, Фадеев, тоже не может в это поверить... Через некоторое время Сталин принял Фадеева.

— Значит, вы не верите в то, что Кольцов виноват? — спросил Сталин.

Фадеев сказал, что ему не верится, не хочется в это верить.

— А мне, думаете, хотелось верить?

Сталин приказал дать Фадееву почитать показания. По словам Фадеева, ужасные признания в связях с троцкистами. И вообще чего там только не было написано — горько махнул рукой Фадеев, не желая касаться персональных подробностей. Говорил он с горечью, которую как хочешь, так и понимай. Горечь, что пришлось удостовериться в виновности такого человека, как Кольцов, или горечь от безысходности положения

самого Фадеева, в глубине души не верившего в вину Кольцова, не питавшего полного доверия к тем папкам. Интонация — «Чего там только не было написано» — толкала на мысль, что он в глубине души не верит в вину Кольцова, но сказать это даже через одиннадцать лет не может, потому что Кольцов — это ведь уже не «ежовщина». Это уже не Ежов, а сам Сталин».

И о «недуге». Близко знавший Фадеева Эренбург наблюдателен: *«Александр Александрович человек крепчайший: много ел, много пил; мог пробежать десяток километров, просиживать ночи на заседаниях, все проходило бесследно... С каждым годом он мрачнел, глаза казались холодными, невидящими... Пил он главным образом с людьми, далекими от мира литературы: хотел забыться».*

В феврале 1956-го Антал и Агнеш Гидаш навестили Фадеева в больнице:

«Стемнело. Все сидели словно пригвожденные к стульям. Агнеш спросила его с той прямоотой, от которой в подобных случаях он был готов бежать на край света:

— Александр Александрович, вы еще будете пить?

— Буду, — ответил Фадеев, даже не рассердившись.

— Да ведь врачи говорят: цирроз печени. Вы же умрете...

— Никакого цирроза нет, врачи пугают. Не беспокойся, не от этого я умру...

Внезапный ответ на тот самодиагноз, через два месяца прозвучал во всех репродукторах страны:

«Центральный Комитет с прискорбием извещает... Медицинское заключение о болезни и смерти товарища Фадеева Александра Александровича». И вдруг в строки, ассоциируемые только со стальным гласом Левитана, вкрадывается слово почти фельетонного ряда: *«Товарищ Фадеев в течение многих лет страдал тяжелым прогрессирующим недугом — алкоголизмом».* Жестокая ирония.

В книге «Наказание без преступления» свидетельствует А.О. Авдеенко: «Трудно жить, — сказал Фадеев своему старому другу Либединскому. — Совесть мучает. Трудно жить, Юра, с окровавленными руками». И все ж ключевое к Фадееву слово: не «окровавленные», а «совесть».

И небольшой финальный штрих, круг порхающей бабочки над многострадальной могилой. Его и Маргариты Алигер дочь, Мария Энценсбергер (по мужу, немецкому поэту), выросла знаменитой красавицей, покорительницей Лондона, талантливой переводчицей.

За этой книгой — значительный отрезок жизни писателя, юриста, историка-краеведа Павла Шепчугова. Давняя дружба и помощь подвижникам — хранителям Музея. Более дюжины поездок по Приморью и Забайкалью — местам боевой славы и мощного жизненного старта Фадеева. Скажу вещь и почти «крамольную»: заканчивал книгу Павел Иванович вовсе не таким безусловным почитателем Александра Александровича, какими были воспитаны почти все школьники СССР. Но и на самых горьких, критических страницах он, профессиональный юрист, сохраняет уважение к документам и фактам. А как писатель — видение всей панорамы, Эпохи, надиктовавшей Александру Фадееву книгу ЕГО жизни и поставившей Точку, там, где сотни «коллег-единомышленников» с легкостью перескочили через запятые в новые эпохи.

Книга Шепчугова вышла столь же суровой, как и жизнь её героя. «Приятного чтения» пожелать не могу, но... будет интересно.

Игорь Шумейко